

Бай Иньфэн презрительно фыркнул:

— Ты думаешь, я, молодой господин, не знаю, сколько стоит цзинь хлопка или чи грубой ткани? Мне плевать на ваши куриные счёты и собачью мелочь, на вдов с востока и старух с запада! Но не думай, что сможешь обмануть меня насчёт цен! Раньше я не придирался, позволял тебе вести фальшивые счета, но сейчас речь идёт о человеческих жизнях, а ты продолжаешь строить козни. Тогда не пеняй на мои кулаки!

Бай Фу внутренне содрогнулся, вжал голову в плечи и поспешно ответил:

— Слушаюсь.

Все в усадьбе знали, что в детстве Бай Иньфэна, только что вернувшегося извне, затолкали в клановую школу Бай. Поскольку клан Бай был потомственным конфуцианским купеческим родом, где Четверокнижие, Пятикнижие и счёты имели одинаково важное значение, как раз в тот период учитель преподавал, как пользоваться абаками. Но Бай Иньфэн неизменно оказывался на последнем месте.

Семья Бай, сочтя его безнадёжным, вернула его домой, поручив воспитание его законной матери.

Его законная мать считала его непослушным и не знала, что за время скитаний он обрёл превосходные боевые навыки и теперь использует их против своих же. Группа слуг не могла его удержать, и ему позволяли свободно приходить и уходить из усадьбы. Он весь день болтался среди городской черни, а устав, возвращался домой спать, относясь к дому Бай как к постоялому двору.

Бай Фу считал Бай Иньфэна просто бандитом с высокой боевой подготовкой, внешне выказывал ему почтение и откупался деньгами, чтобы отделаться. На этот раз Бай Фу руководствовался не жестокостью, а просто разглядел в Бай Иньфэне мягкость и решил, что сможет взять с него поручительство на покупку одежды для людей, а сам немного сэкономит, вернув таким образом деньги, потраченные на него зря. Но он не ожидал, что Бай Иньфэн не зря слонялся среди простонародья — цены на товары низшего сорта от него не скроешь.

Схваченная Бай Иньфэном рука Бай Фу будто попала в железные тиски, он не мог пошевелиться и боялся, что если тот лёгким движением швырнёт его, его старческая жизнь тут же закончится. Тут же он поспешил отправить людей за покупками для пошива одежды.

Бай Иньфэн, поскольку Тан Сяоу не пришёл к нему, смертельно скучал и был готов хоть яйца высидывать от безделья, поэтому особенно пристально следил, чтобы Бай Фу занялся этим делом.

Бай Фу не только не смог получить никакой выгоды, но и потратил много сладких речей, глубоко сожалея, зачем он затеял эту интригу перед этим негодяем Бай Иньфэном. Почему бы не продолжать, как раньше, всем вместе зарабатывать деньги семьи Бай?

Мастерские в Столице, шьющие зимнюю одежду, в это время года очень загружены. Чтобы выполнить работу в срок, нужно доплачивать, иначе придётся ждать. Те слуги семьи Бай, что согласились проделать долгий путь в Столицу, либо недавно поступили на службу и не имели поддержки, либо имели семейные обременения и отчаянно нуждались в деньгах, либо были проигравшимися в пух и прах игроками, решившими начать жизнь заново...

Многие были готовы сами шить зимнюю одежду, лишь бы поскорее её получить.

Бай Иньфэн с детства скитался с Тан Сяоу по рекам и озёрам и немного умел шить зимнюю одежду, поэтому тут же принялся их учить. Как-то разнеслась весть о его противостоянии с Бай Фу, и все были ему бесконечно благодарны.

Он серьёзно сказал:

— Мы все здесь вместе. Я надеюсь, что все мы вернёмся домой к семьям такими же целыми, какими приехали. Впредь, пока у меня, Бай Иньфэна, есть еда, я не дам братьям умереть с голоду. Братья, подхватившие простуду, тоже не беспокойтесь. У меня есть брат, весьма искусный во врачевании. Я попрошу его осмотреть вас. Расходы на лекарства я беру на себя.

— Молодой господин Фэн!

— Молодой господин Фэн! Если в будущем что-то понадобится, просто позови — я, Фэн Эр, не пожалею себя ни в ветер, ни в дождь, ни слова не скажу против!

В торговом караване, прокладывающем путь, было много мужественных мужей, особенно несколько заболевших, которые были невероятно взволнованы.

Бай Иньфэн заметил в дверном проёме мелькнувший край светло-жёлтой одежды, попрощался со всеми и вышел. Посмотрев, он увидел, что это действительно Тан Сяоу. Тот не добавил одежды, был в прежнем наряде, на плечах лежало немало снежинок.

Тан Сяоу с улыбкой произнёс:

— Взяв на себя расходы на лекарства для людей, хватит ли тебе этих двухсот лянов?

— Если заставлять семью Бай платить эти деньги, начнётся долгая волокита, да и врачей можно будет пригласить только из лечебниц, что не обязательно поможет. А если обратиться к тебе, это и удобно, и лекарства сразу вылечат, думаю, это не будет мне стоить слишком дорого.

Тан Сяоу был в прекрасном настроении и рассмеялся:

— Ты, как видно, со мной не церемонишься. Принеси бумагу и кисть, я пощупаю пульс и выпишу рецепт.

Бай Иньфэн пошёл за бумагой и кистью.

Будь он законным сыном, такая покупка людской преданности в будущем, несомненно, принесла бы большую пользу. Но он был всего лишь побочным сыном, семейное дело Баев не ему было наследовать. Максимум, он мог дожидаться приезда пятого дяди, Бай Динъюаня, и рассказать ему о ситуации. Если тот согласится помочь и включит эти расходы в счёт, то хорошо, если нет — придётся держаться от семьи Бай подальше.

Рецепты, которые выписывал Тан Сяоу, состояли из дешёвых и подходящих лекарств, один набор был недорогим, но людей было много. Если рассчитывать на двухдневный запас лекарств, от двухсот лянов оставалось немного.

Лекарства варили прямо во дворе. Обоим не нравился этот запах, и они предпочли уйти подальше.

Тан Сяоу насмешливо сказал:

— С такими-то деньгами ещё и изображаешь толстосума!

Бай Иньфэн вздохнул:

— Все эти годы я жил и ел в семье Бай, как ни крути, лучше хоть немного отплатить. К тому же, эти двести лянов тоже дала семья Бай, потратить их не жалко. Не могу же я спокойно смотреть, как люди умирают от болезни.

— И это верно, скоро ты расстанешься с семьёй Бай. Может, старший брат поможет тебе с этими расходами?

Бай Иньфэн уставился на него:

— Мы же договорились не пользоваться друг другом! Я зову тебя «А У», ты зовёшь меня «А Фэн», разве не хорошо?

Тан Сяоу огорчённо промолвил:

— Не называй меня «А У», звучит, как собачий лай, тебе не неловко?

Бай Иньфэн ответил:

— Нет. Другие могут подумать, что я зову собаку.

— Собака лает.

— Зову собаку.

— Собака лает.

— Зову собаку.

— ... — Тан Сяоу скривил губы. — Ты победил.

Бай Иньфэн удивился:

— Почему ты сегодня так рано сдался?

Тан Сяоу не хотел говорить, что в конце спора ему всегда приходится произносить на одно слово больше, из-за чего он теряет преимущество и в конечном итоге проигрывает, поэтому лучше сдаться пораньше. Поэтому он сказал:

— Потому что сегодня я счастлив.

— Что случилось такого радостного? — с любопытством спросил Бай Иньфэн.

Хотя Тан Сяоу каждый день улыбался, но сегодня он был особенно сияющим, что было большой редкостью.

— А Фэн, веришь ли ты, что в мире существует любовь с первого взгляда?

Бай Иньфэн остолбенел:

— Чего?

— Ну, когда видишь человека, и в сердце будто фейерверк взрывается. И после того, как фейерверк исчез, ты всё продолжаешь думать, размышляя, сколько ещё шансов осталось...

Бай Иньфэн перебил:

— Как тогда, когда крёстная принесла нам с улицы хлопушки и фейерверки? После того как мы всё запустили, ты каждый день яростно изучал формации, только чтобы научиться, как выбраться из долины и найти того разносчика у подножия горы, чтобы купить фейерверки. Когда ты наконец научился, мы сбежали, но Новый год уже давно прошёл, и продавцов уже не было?

— Да, да, именно такое чувство! — взволнованно воскликнул Тан Сяоу.

— Девушка, которая тебе понравилась, держит лавку с разной мелочью? — осторожно поинтересовался Бай Иньфэн.

— Как так может быть? Я говорю об ощущении! Он благородного происхождения, изящных манер и невероятно красив. Жаль только, что каждый раз, когда он выходит или входит, его окружает толпа людей, и у меня нет возможности поговорить с ним побольше.

Бай Иньфэн, глядя на одержимый вид своего брата, почувствовал непонятную горечь:

— Если действительно нравится, помочь тебе подготовить три свата и шесть помолвок?

— Нет, нет, свахи не подойдут, он не обычный человек, я не могу так поступить. Да и я ещё не знаю, что он чувствует ко мне. Эх, А Фэн, представь, если в будущем тот, кто тебе понравится, окажется таким же, с кучей родни и друзей среди чиновников, станешь ли ты преклонять колени?

Бай Иньфэн надменно заявил:

— Я, Бай Иньфэн, кроме неба, земли, отца с матерью и крёстной, ни перед кем не преклоню колен!

— И перед будущей супругой тоже не преклонишь?

— Ты о взаимных поклонах супругов во время свадьбы? Это, конечно, считается, но только один раз.

— Это не обязательно так... — пробормотал Тан Сяоу.

— Что ты сказал?

— Ничего. Эх, А Фэн, кажется, я заболел любовной тоской, плохо ем, плохо сплю.

— Может, приготовлю тебе чего-нибудь поесть?

— А Фэн, ты самый лучший. Сейчас я хочу только лепёшек с овощной начинкой, которые ты готовишь. Хрустящие снаружи, маслянистые внутри, откусишь — и ароматно, и хрустит, солоновато-сладкие, невероятно вкусные. — Тан Сяоу сказал жалобно.

В прошлый раз, когда он играл в го с Юнь Тао, в итоге получилась ничья, и Юнь Тао всё же отдал ему сборник партий. Он думал, что Юнь Тао к нему хорошо относится, но не ожидал, что тот не появится в последующие несколько дней. Тан Сяоу целыми днями думал о том человеке, то волнуясь, то беспокоясь, и всё это время плохо ел.

Бай Иньфэн задумчиво произнёс:

— Неужели так сильно хочется? Я думал, ты больше хочешь купить связку хлопушек, разобрать её по одной и пойти за город, чтобы поджечь и поиграть.

<http://bllate.org/book/15610/1393514>